

ТЕЛЕФОННЫЙ ЗВОНОК

— Подкати меня к окну, — Ольга Сергеевна смотрела на мужа, Игоря Ивановича, бородатого, шелковисто-беловолосого, с молодым румянцем на щеках. Всем хорош! Жаль только, фигура немного оплыла от вечного сидения за письменным столом. Бугры мышц как в прежние времена не выпирают из-под футболки. — ...ты давно не занимаешься гириями? — зачем-то спросила и осеклась, какие теперь гири. Вместо них муж носит ее, болящую.

— Хочешь посмотреть на лужи? — через паузу произнес он, двинул коляску к окну, — наверно, на всю ночь зарядил дождичек.

— ...Не уходи, — она взяла его руку. — Славик говорил тебе про свою девушку? — еще один вопрос повис в воздухе, кажется, они разговаривали, не слыша друг друга.

— Тебе удобно?

Она кивнула и ждала, когда же муж заговорит о сыне.

— Думаю, рано он... не время сейчас, — наконец произнес Игорь Иванович.

— Не время — из-за меня? — она выпустила его руку, тронула край оконной занавески, чуть помедлила и снова обернулась к мужу. — А ты разве не знаешь, сколько времени мне осталось? Хочешь, чтобы случилось после?..

— Олюшка, ну зачем так. Ты поправишься! Славка внуков нарожает.

— Рожают невестки. Как ее зовут? — она опять коснулась занавески.

— Таня.

— Татьяна — русская душою... Вот и давай думать о свадьбе... Зима впереди, а все Тани любят зиму. Славка звонил?

— Какой там, он на свидании, ему не до нас.

Игорь Иванович невольно вздохнул и пошаркал к дивану. Впереди снова пустой вечер. Большая жена не даст ни поработать, ни отдохнуть. Он научился держать свое сердце «крепко», как говорила соседка по площадке, неугомонная баба Дуся. Но сегодня теребил сумерки осенний дождь, и на душе особенно стыло.

— Как ты думаешь, Татьяна действительно любит нашего сына? — изображала улыбку Ольга Сергеевна.

«Зачем же она так улыбается?» — удрученно думал он,

взглянув на жену. Опустил голову: перед глазами расплывались яркими пятнами узоры синтетического паласа, купленного еще в эпоху дефицитов. Ольга так радовалась тогда, что вместо протертого шерстяного ковра — огромный, похожий на цветочную поляну, искрящийся скрипучий палас. По истечении десятка лет сородичи веселенького паласа в большинстве случаев перекочевывали на дачи и мусорки. Будь Ольга на ногах, и этому бы не удержаться в квартире, но... К тому же и дача стоит заброшенной.

— С нами будут жить молодые — и все здесь изменится, — раздумчиво произнес Игорь Иванович.

— Значит, согласен на свадьбу? Как быстро ты меняешь свое мнение.

— Разве мы спрашивали своих родителей, когда собирались пожениться? — он говорил и сам удивлялся тому, как легко и бездумно срываются с губ слова. Пустые, никому не нужные, они заполняют комнату. В то время как недописанный доклад на тему «Психологический портрет власти в России начала третьего тысячелетия» томится в кабинете, вот уже который вечер Игорь Иванович не может подойти к письменному столу, потому что ему мешает присутствие жены. Войди в кабинет — и она захочет сидеть в своей коляске с ним рядом. Раньше он умел работать возле ее постели, но последнее время стало совсем неважно. Сколько же не написано, не сделано! Ощущение расслабленной пустоты будто напитало все вокруг, наполнило квартиру до потолка.

— ...А может, мне тоже начать писать? — спросила Ольга.

Он чуть повел бровью, хмыкнул нечто неопределенное.

— Говорят, творчество очень полезно для инвалидов, — продолжила жена. — В юности я, между прочим, сочиняла стихи и даже прочитала... кажется, на втором курсе института, на литературном вечере. Но не призналась, что стихи мои. Просто, мол, понравились... Мы тогда спорили о текстах Гребенщикова. Помнишь, как все сходили по нему с ума? А я сразу поняла — пу-сто-та этот ваш Гребенщик. Ты, кстати, со мною спорил! Тебе нравилось:

Мы до сих пор поем, хотя я не уверен,

Хочу ли я что-то сказать...

В игре наверняка что-то не так;

В этой игре наверняка что-то не так, — пропела она. —

Скажи на милость, что тут от поэзии, музыки и вообще от здравого смысла?

Игорь Иванович привык к ее умению быстро переключаться с одного на другое, словно она постоянно мыслила параллельно. Хотя сначала раздражался и даже ссорился, казалось, жена только создает видимость своего присутствия, участия в разговоре, а думала о другом. Сейчас же он обрадовался признанию:

— Ты писала стихи? И посвящения были?

— Станный вопрос. Я надеялась, ты скажешь — прочти.

— Неужели помнишь?

— Память, в отличие от моих конечностей, меня еще не подводила. Все впереди. Конечно, стихи о любви. Хотя, честно тебе скажу, мне хотелось и о дружбе написать. Не получалось.

...О тебе и молчу, и пою.

Лунным светом открою дверь,

И задену лишь тень твою,

И поправлю твою постель...

— Постель? На втором курсе института? А я-то, дурак наивный, верил в девичью чистоту!

Игорь Иванович уперся ладонями в колени, помедлил и встал с дивана. Прошелся по комнате. Она следила за ним.

— Ты еще способен меня ревновать? — произнесла Ольга Сергеевна удивленно.

— Я способен, — послушно кивнул он и, вместо того чтобы поскорей закончить разговор, взял нарочито бойкий тон: — Все знают: на первых курсах института ты любила Сиволапого! Но чтобы «поправлю твою постель», то есть его постель... Он сделал выразительную паузу и снова открыл рот, надеясь покрепче отшутиться, но она не дала ему говорить:

— О, не кладите меня

В землю сырую!

Скройте, заройте меня

В траву густую!

Пускай дыханье ветерка

Шевелит травую,

Свирель поет издалека,

Светло и тихо облака

Плывут надо мною!.. —

Помнишь? Мы с тобой вместе читали Тютчева... Игорь, я хочу увидеть свадьбу сына и умереть. Молчи! Ничего

странного в этом нет. Это самая обыкновенная жизнь. И самая обыкновенная смерть...

«Она говорит о смерти... — думал Игорь Иванович, — и уже не боится этого. Для нее страшнее — быть ненужной...»

— Игорь, я хочу порыться в справочниках... Я порой мешаю тебе работать, я знаю. И потому решила заняться делом. Ты слышишь? Я пишу для тебя. Потому что хочу быть интересной и полезной, пока могу. Пожалуйста, отведи меня в кабинет...

Игорь Иванович плохо понял сказанное женой, но поспешно кивнул и покорно двинул коляску к двери кабинета.

— Когда ты будешь отдыхать от своей статьи, я стану рассказывать тебе... Знаешь о чем? — Ольга Сергеевна смотрела на него в упор, словно пыталась прочесть тайные мысли.

Он не поддержал предложенную игру, опустил глаза.

— Помнишь, мы с тобой любили романс «Хризантемы»? И ты говорил, что автор практически неизвестен. А ведь он — гениальный композитор! Помнишь? Так вот я нашла сведения о нем! Может быть, и Славку это будет интересно... А то он запомнит мать как существо болезненное и ни к чему не годное.

— Оля, прекрати! Прекрати ерничать, наконец! Славку пожалей!

«Зачем она опять говорит о своей ненужности? — думал Игорь Иванович, лежа на жестком диване, что стоял в углу его кабинета, теперь он часто оставался здесь на ночь, а супружеская спальня стала комнатой жены. — Разве можно вот так просто... вслух произносить... Неужели она думает, что у меня нет сердца и оно не сжимается от ее слов. И что ответить ей? Язык деревенеет — слова фальшивые получаются... Как же я устал!»

Заснуть не удавалось, и когда в передней стукнула дверь, Игорь Иванович обрадовался приходу сына. Жмурясь от света, в тапках на босу ногу, он через короткое время вышел в кухню, где наследник уже ставил сосиски в микроволновку. В предвкушении ужина движения его были быстрыми и точными. И весь он словно светился от накопленной внутри энергии, от полноты жизни, от молодости и счастья: глаза сияют, волосы растрепаны так, будто их только что коснулась женская рука, на губах улыбка.

Игорю Ивановичу было приятно смотреть на сына. Славку они с женой родили еще студентами. И ребенок получился — пригож да умен — всем на радость и удивление! Солнышко, а не ребенок. Они потом так и не смогли родить второго, потому что, как говорила жена, лучше уже не бывает. Славик учился в двух школах «на отлично».

В музыкальный класс пошел по собственному желанию, да еще и ричор из разряда одуванчиков — беленький, опрятный. Но потому и настойчивость его неожиданной была. Я, наконец, усадил его, расспрашиваю. Оказывается, старик очень спешил, прибежал швы снять, плечо у него травмировано... Мне, говорит, обязательно к девяти часам к жене в больницу надо успеть. Я, говорит, покормить ее должен. Мол, срочно и сейчас снимайте швы. Потом вдруг ультиматум: «Не снимите, я так с ними и останусь, ждать не могу. И прийти в поликлинику в ближайшее время тоже». Я, чтоб как-то его успокоить, отвлечь, про жену начал расспрашивать. А то не ровен час и вправду убежит! И представляешь, рассказал мне старик, что у его жены болезнь Альцгеймера. Я, естественно, спрашиваю: «Она будет очень волноваться, если вы не придете вовремя?»

Игорь Иванович сидел с ним на кухне, слушал какую-то чепуху, которой развлекал его Славик, прихлебывал жидкий чай, и больше всего ему хотелось, чтобы не кончался этот поздний ужин, не гас светильник в углу и вот так вкусно пахло горчицей и сосисками.

— Знаешь, со следующей недели у меня практика в стационаре, — посерьезнел сын.

— В какой больнице? — в тон ему спросил Игорь Иванович.

— Скорой помощи. Как раз близко к дому, сам понимаешь...

Игорь Иванович кивнул. Помолчал и вспомнил:

— А наша мама сегодня объявила, что начала писать книгу о малоизвестном композиторе. Надеется, что это будет интересно и тебе, и мне, — он улыбнулся краешками губ.

— Мне? Конечно, интересно. Главное — пусть пишет!

— Я тоже так думаю, сынок...

Отец и сын будто прочитали мысли друг друга.

Славик медленно отодвинул пустую тарелку, поднял глаза на отца:

— А у меня сегодня знакомство приключилось, — сказал так, будто подбирал незнакомые слова.

Игорь Иванович приготовился слушать, откинулся на спинку стула.

— Старик один... в поликлинику приходил.

— Точно старик? Мой ровесник, наверное?

— Нет, па, не напрягайся. На самом деле — старый человек. Я с утра к Танюше забегал, она сейчас подрабатывает, медсестру подменяет у хирурга. Хотел ей сюрприз сделать, а Танюшку отправили срочно санитарную книжку оформлять. Хирург меня уже знает, вот и взмолился: «Посиди, хоть с карточками поможешь». Ну, думаю, так и быть, посижу часа два, для практики. Только мы начали прием — врача вызвали к начальству, понедельник же, коллектив пред ясны очи явиться должен. А в кабинет старик ломится. Я ему объясняю, он ни в какую. «Снимите мне швы, — кричит, — срочно!»

— Что, орет прямо? — шевельнулся Игорь Иванович.

Сын покачал головой:

— Это я так, для ясности картины. На самом деле ста-

ричор из разряда одуванчиков — беленький, опрятный. Но потому и настойчивость его неожиданной была. Я, наконец, усадил его, расспрашиваю. Оказывается, старик очень спешил, прибежал швы снять, плечо у него травмировано... Мне, говорит, обязательно к девяти часам к жене в больницу надо успеть. Я, говорит, покормить ее должен. Мол, срочно и сейчас снимайте швы. Потом вдруг ультиматум: «Не снимите, я так с ними и останусь, ждать не могу. И прийти в поликлинику в ближайшее время тоже». Я, чтоб как-то его успокоить, отвлечь, про жену начал расспрашивать. А то не ровен час и вправду убежит! И представляешь, рассказал мне старик, что у его жены болезнь Альцгеймера. Я, естественно, спрашиваю: «Она будет очень волноваться, если вы не придете вовремя?»

А старик: «Нет, волноваться не будет, моя жена не узнает меня последние пять лет. И даже не помнит, кем я приходился ей по жизни». «И, несмотря на это, — спрашиваю его, — вы все равно каждое утро спешите в больницу к человеку, который даже не узнает вас?» А он, представляешь, улыбнулся и тихо так ответил: «Да, к сожалению, она не знает, кто я. Зато я помню, кто она. С ней я был счастлив всю свою жизнь». Вот так, представляешь?..

Славик опустил глаза, повисла пауза.

— Ну и зачем ты мне это рассказал? — дрогнул Игорь Иванович. Ему показалось, что подобную историю он уже слышал, может быть, даже встречал в Интернете... И очень обидно стало от скрытого нравоучения сына. Зачем он? Хочет надавить на отца примером и придумал про какую-то встречу? Очень боится за маму?

Неловкая пауза сменилась смущенным Славкиным лепетанием, мол, не об отце речь, мол, это он к собственной жизни относит, к их с Танюшкой будущему.

— Согласись, па, не у каждого в жизни получается! Ну, чтоб вот так, чтоб до конца вместе. Правда же? — щеки Славки пылали румянцем.

Повисла тяжелая пауза. Игорь Иванович не то что не захотел, а просто не мог говорить. Объяснять, обсуждать. Буркнув «доброй ночи», поплелся к себе в кабинет. Давила плечи необъяснимая обида и за себя, и за сына, и за того старика, которому так и не сняли швы в поликлинике. Близкие слезы стояли в глазах. Усилим воли он не давал им пролиться... Может, и зря.

Ночью шел дождь. Стоя у окна в кабинете, Игорь Иванович смотрел на огромные лужи внизу, в свете фар проезжающих машин капли дождя вспыхивали яркими белыми звездами на поверхности воды, и он не мог отвести глаз от этого мерцания. Никогда не видел подобной красоты! Грязно-черные лужи — и столько серебристо-белых огоньков! Но только в огоньках этих не было радости, словно состояли они не из света, а из тумана.

«Бояться нужно не смерти, а пустой жизни», — снова думал Игорь Иванович. И не мог вспомнить, жена сказала ему об этом или он прочел, кажется, у Брехта...

Весь следующий день Игорь Иванович ловил себя на мысли, что делает нечто ненужное, находится не там, где должен, и голова его забита чепухой. В то же время его распирало чувство полученной вдруг внутренней свободы. Но это ощущение не добавляло радости. Наверное, так бывает у старого раба, оборвавшего цепи и оставшегося вдруг в одиночестве. Как перст... «И пусть. Устал. Никого не хочу видеть и слышать. Почему я виноват? Зачем я должен оправдываться и постоянно доказывать невиновность, изображая при этом благостную улыбку? Даже Славка пытается меня учить и воспитывать».

Появившись на кафедре, Игорь Иванович полистал подготовленные в помощь первокурсникам методички, встретился с заместителем декана по учебной работе, чтобы согласовать нагрузку по заочникам, и вскоре ушел из университета. Благо лекций у него в этот день не было, а консультации с дипломниками, по их слезной просьбе, он перенес на следующую неделю.

Выходя из здания, Игорь Иванович кивнул вахтеру, толкнул дверь — и сухой ветер ударил в лицо, солнце хлестнуло по глазам, будто и не было вчерашнего холодного дождя. «Середина октября, а лето не сдается», — подумал он, медленно шагая мимо клумбы с цветущими розами. За оградой университетского двора гремели и тревожно звенькали трамваи, рычали авто. Неожиданно для себя Игорь Иванович пожалел, что так рано уходит со службы. Но не возвращаться же обратно...

И он пошел вдоль забора, мимо золоченых кленов, в тени еще густых крон. Решил пройтись, освежить голову и попытаться понять смысл этой вековой игры в жизнь, которая представилась ему теперь пустой функцией. «Смерть делает ее напряженнее, добавляет накала, — думал он, наступая на сухие листья под ногами, — иначе — вечная болезненная бледность». Ему представилось лицо жены. «Хорошо, что она пишет книгу об этом неизвестном композиторе Николае Харито, его романс тоже, в сущности, о жизни и смерти. «Отцвели уж давно хризантемы в саду» — мы ведь любили и часто слушали. И тогда, в Крыму...»

Игорь Иванович старался не вспоминать о былой радости, потому что не верил, что эти воспоминания могут приносить облегчение в трудные дни. Но поездка в Крым... Картины безмятежного молодого летнего счастья вызвали невольную улыбку. Цветущий олеандр и горячие маслянистые хачапури. Румянец на щеках жены, ее смех без причины, торчащие розовые уши в мокрых коротких волосах, когда она бежала по кромке приюта и кричала,

«Хочу водки и на ручки! Слышишь? Игорь, лови меня!»

Олю воспитывали бабушка с бабушкой по материнской линии. Отца она никогда не знала и не видела, мать работала с утра до ночи. Бабушка часто болела. Дед же готов был вовсе не расставаться с малышкой. Он забирал ее из детского сада, сажал в свой старенький «запорожец» — и жизнь начиналась!

Дед выполнял все желания «королевы»: вез ее по указанному маршруту, кормил мороженым, бегал в парке за бабочкой или пинал резиновый мячик. Деду нравилось угождать девчужке. Игорь Иванович, кажется, унаследовал от него это стремление баловать Олю. Впрочем, любой мужчина, после тихого голоса, задорного смеха, захотел бы слышать ее снова и снова. Голос меньше всего меняется с возрастом. Сколько красоты в переливчатых игривых интонациях, в них-то и сокрыта неувядающая молодость. Впрочем, молодость — это движение. Невозможно представить, как тяжела для нее теперь обездвиженность... Хотя жена всегда умела справляться с трудностями и проявлять характер. Однажды она приревновала Игоря к молоденькой аспирантке. Демонстрируя обиду, Ольга забралась на подоконник, они тогда жили в трехэтажке сталинской постройки, и просидела на подоконнике целых пять часов. Так она доказывала свою правоту. Сидела, почти не двигаясь. Игорь Иванович не мог уговорить ее. Он уходил, возвращался, пытался объясниться с ней, но она сидела, как истукан...

«О чем может думать женщина, сидя пять часов на подоконнике?» — Игорь Иванович брел уже возле университетских общежитий. Но не видел окрестностей, его мысли вращались вокруг одного имени — Оля. «Как помочь? Как спасти?» — контрапунктом долбило сознание. И в то же время душа его противилась этим мыслям, потому что Игорь Иванович очень хотел хоть на время забыться, уйти в себя, отдохнуть... «Если невозможно сегодня уехать в Крым, поеду на дачу. Позвоню соседке, пусть зайдет к Оле. И Славика попрошу прийти пораньше. А сам хотя бы выплось...»

Он решительно зашагал к трамвайной остановке. Ему так захотелось поскорее оказаться на даче!

«Несомненно, смысл жизни связан с концом. И если бы не было конца, если бы в нашем мире была дурная бесконечность жизни, то смысла в жизни не было бы вовсе. Выходит, что смысл лежит за пределами этого замкнутого мира? И обретение смысла предполагает конец в этом мире... — рассуждал Игорь Иванович и почти параллельно: — Оля всегда была музыкальна. Первое образование — учитель музыки — ей очень шло. Почему она не заходила работать по специальности? Капризная девчонка...

«Отцвели уж давно...» А ведь Николай Харито — уроженец Крыма. Там жила его семья. Потом, кажется, они переехали в Киев. Потом Гражданская война. Харито был в Белой армии и погиб на Кубани. Но не на поле брани. Его застрелил знакомый офицер, Харито нравился женщинам и был убит из ревности. Это случилось в Тихорецке. Очень интересный материал! Ведь поступками большинства людей руководит любовь, зависть и ревность... Человек может быть разным: и великим, и низким до бесконечности. Один и тот же человек».

Игорь Иванович так углубился в собственные мысли, что почти перестал замечать окружающее. Он вдруг понял, как помочь жене: нужно ставить для нее великие задачи и помогать дожить до их осуществления. «Это придаст ей сил и спасет! Сколько раз твердили: чтобы выжить — нужно измениться! Я помогу Оле написать книгу, и мы издадим ее в подарочном варианте, с фотографиями, цветными вклейками. Потом — презентация! Да хоть у нас в университете! Оля сможет...»

Оживленный перекресток не испугал Игоря Ивановича, ему хотелось поскорее добраться до тишины и одиночества, чтобы хорошенько все обдумать. И послушать, наконец, «Отцвели уж давно хризантемы в саду». «На виле романс точно должен быть! Приеду — сразу полезу на чердак!»

Светофор на пешеходном переходе мигнул желтым и включил зеленый свет. Игорь Иванович ступил на проезжую часть, но в кармане пиджака завибрировал телефон, он замешкался, приостановился, доставая аппарат, увидел высвеченное имя жены, приложил аппарат к уху и... В следующее мгновение его жизнь остановилась. И только через пропасть, провал, через ледяную вечность жизнь началась снова. Потому что на огромной скорости мимо него, буквально коснувшись ботинка, промчалось огромное ревущее чудовище — черный джип оглушил, накрыл, ошеломил и смял пешехода! Удара Игорь Иванович не почувствовал, но горячей душливой волной обдало его, на долю секунды прижатого к автомобилю, и покачнуло, отбросило! Он полетел от железного монстра, теряя равновесие, беспомощно махнув рукой, открыв рот в беззвучном крике, и рухнул спиной на асфальт, головой ударившись о бордюр тротуара!

— Да живой он, живой, может, зацепило слегка! Слышь, мужик? Повезло тебе!

— В рубашке родился! — кто-то мокрым платком протирал Игорю Сергеевичу лицо, и он, наконец, приоткрыл глаза — незнакомые люди окружали его.

— В «скорую» позвонили? Его в больницу нужно отправить на обследование.

— Это ж надо! Полшага — и точно б по дороге размаза-

ло, с такой скоростью джипяра летел! ГИБДД вызывайте! Человека в лепешку расшибить могло! Мокрое место осталось бы!

— До чего дошло, на пешеходных переходах людей убивают! Я номер машины запомнила. И ведь не остановился даже, изверг! — пожилая женщина убрала мокрый платок со лба пострадавшего.

Игорь Иванович чуть пошевелился, попытался привстать. У него получилось. Через минуту не без труда и помощи подошедших он поднялся. В голове шумело, болела правая рука.

Ему помогли оправиться и отряхнуть от пыли пиджак, нашли телефон, который от удара об асфальт перестал работать. Потом появились полицейские, подъехала машина скорой помощи. Игорь Иванович отвечал на вопросы, давал себя щупать, мерить пульс и давление, что-то подписывал. Потом его везли в «скорой помощи» в приемный покой больницы. И там тоже спрашивали, щупали, заставляли что-то подписывать...

Домой возвращался в такси, сжимал телефон в кармане пиджака. Смотрел на проплывающую мимо городскую панораму холодными сухими глазами и думал о старике, который, по рассказу сына, так боялся опоздать к больной. «Славка уверен, что старик спасает свою жену. Но нет же, нет! — лицо Игоря Ивановича болезненно исказилось. — Это они даны нам для спасения! Они — для спасения... И если б не Олин звонок, если б на мгновение позже она набрала мой номер... как же почувствовала? Как успела?! Доля секунды — и я бы уже никогда никому на этом свете не смог ничего ответить. Вот уж воистину неисповедимы пути твои!..» Сухие глаза его наполнились горячими слезами, он пошарил в кармане — носового платка не оказалось — и кулаком неуклюже провел по лицу, конфузливо улыбнулся: «Ничего... будем жить».

СМС

«Итак, форум закончился. Дело сделано! Шеф доволен». Петр Григорьевич Калашников в поздний час шел по длинной пустынной улице, кутаясь в воротник драпового пальто, которое вовсе не спасало от колючего, с редким снежком ветра. В свете фонарей снежные заряды хаотично крутило, выбрасывало из светового потока, чтоб через мгновение снова завернуть их в бледно-оранжевый световой сноп. Корявые липки, высаженные вдоль тротуара, ловили невидимые снежинки и качали голыми ветками вслед проносившимся мимо авто. За деревьями прятались мерцающие бледными окнами новенькие мно-

точно этажки. Словно гигантские великаны нависали над Приморским проспектом и растворялись в мутно-сером небе. Было неуютно, сыро, стыло. Калашникову с каждым новым порывом хотелось еще больше ускориться! Разбежавшись на просторах Невской губы, ветрище пробирал до костей. Бегом — в такую погоду не погуляешь тихим шагом — к остановке автобусной. И домой, в тепло! Только б транспорт не подвел, времени в обрез, до закрытия метро меньше часа. А вдруг последний «бас», как случилось недавно, на маршрут не выйдет. Только б не сегодня! И без этого третье ноября наполнено событиями по самое горлышко. Форум сделали! Отработали как часики — тики-тики-так! Наконец мероприятие закончено, и шагавшему по мокрому асфальту усталому Калашникову хотелось забыть о работе, но она не отпускала! Застряли в памяти испуганные глаза мальчишек, менеджеров по площадкам. Зудели слова шефа о том, что цель у форума одна, а у организаторов их много! И все главные: заработать максимально, зарекомендовать себя экспертами в области инвестиций, сделать все филигранно!

Кто ж спорит, мелочей в бизнес-центре не было, с первого шага гостей под локотки вели. И очень кстати Калашников поставил на входе именно Дениса и куколку Ляльку! Не подвели, приветствовали участников так, что дамы подтягивали животы, а мужички плотоядно переглядывались.

— Несмотря на то что профессиональный конференционный бизнес зародился в нашей стране не более десяти лет назад, я оцениваю его будущее весьма и весьма позитивно, — монотонно гудел в ушах голос шефа, застрявший в памяти от бесконечных повторов на еще более бесконечных совещаниях. Международный инвестиционный стал первым для коллектива, собранного при администрации области. Калашников, правая рука шефа, числился арт-директором. Опыт работы в подобных мероприятиях у него, конечно, имелся, но здесь, в Питере, все впервые, и заново пришлось доказывать, что ты на своем месте... «Профи! Отработали во славу шефа. Дальше будет легче. А теперь до дома бы доплестись...» Калашников и не заметил, как сбавил скорость. Голову раскалывало. Но хуже того — тупая боль в животе, каждый шаг усиливал ее, будто расходовался, истончался отведенный на сегодня запас сил и движения.

— Объем рынка деловых мероприятий в России освоен не более чем на 15–20 процентов! Это наш шанс, друзья! А если мы... и если качество, и если результативность...

«Если?... — продолжал внутренний монолог Калашников. — Справились мы, Евгений Сергеевич! И ты почти не мешал», — невольно хмыкнул при мысли о шефе. Будто услышал здравицы в его честь, сейчас на банкете шефу точно поют дифирамбы, хотя сам он, конечно, сидит с

«випами» в голубом зале, на пятнадцатом этаже. Вид там открывается... Надо отдать должное, бизнес-центр выбран шефом очень удачно, с панорамой и на восточную часть Финского залива с его песчаными пляжами, и на большой ухоженный парк, сочные оранжево-белые новостройки — иностранцы только бровями двигали. В холле по очереди у чучела медведя фотографировались. Его шеф раздобыл на время форума. «Слава Евгению Сергеевичу, слава...» Калашников шел теперь совсем медленно, дотянуть бы до остановки, а там на автобусе до Новой деревни и метро. Эх, зря двинулся в ночь! Пристроился б на диванчике в комнате персонала, отлежался, пока молодежь гуляет.

В правилах Калашникова и раньше было лишь обозначиться на корпоративах: он обычно звенькал первой рюмкой и по-быстрому ретировался, мол, чего ему с молодыми-то байки травить? Сегодня ушел еще раньше, седьмым чувством понимая, что сил бодро «петь» в общем хоре в угоду шефу у него уже нет. Лучше с глаз долой, чем остаться в глазах окружающих слабаком. Интуиция сработала верно: валялся бы сейчас на диванчике, крючась от боли, пока б не обнаружили и не повезли в больничку. «Хорошо б в больничку...» Он не дошел несколько метров до остановки, фонарного столба с написанной на жестянке буквой «А» и расписанием автобусов. Пришлось приткнуться к железной балке невысокой решетчатой ограды, отделявшей тротуар от придомовой территории. Сидел, согнувшись от боли. «Ночь, улица, фонарь, а где аптека? Хоть бы болеутоляющее... хреновато уж очень. Загнусь на дороге. И ведь никто не хватится!»

Жесткие невидимые снежинки били по лицу, но Калашников не шевелился. Не от боли, от мысли, справедливой и беспощадной: «Никто не хватится... ребята на работе подумают, что, как бывало не раз, дома корплю, тем более выходные впереди. Сыновья в солнечной Анапе и вовсе ни о чем не догадаются, месяца через два, может, вспомнят, найдут номер в мобильнике и кроме как «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети» ничего не услышат. А жена? Ну, какая жена у разведенного? Была Елена Прекрасная — да вышла вся».

Калашников застонал и от боли и от жалости к себе. Его скрюченная длинная тень на сыром асфальте выглядела намного внушительнее жалкой фигурки невысокого узкоплечего лохматого человека, почти воробья на жердочке. «Вот так финал... И случилось в Питере, на пике карьеры». В голове Калашникова уже составила картинка очоленного трупа в нелепо задранном драповом пальто с вывернутыми карманами. «Конечно, ограбят, — скрипел зубами, беспомощно раскачиваясь из стороны в сторону. — В морге рядом с бомжами сложат...» За этим приехал в культурную столицу? Целый год в коммуналке, перебивался с шашки на

шабашку, и вот, наконец, пригласили в солидную квартиру... Вот оно — начинается! И теперь без него?

Калашникова мутило, спазм от сильной боли парализовал тело. Что с ним происходило, он определить не мог. Раньше такого не было никогда. Пустая холодная улица равнодушно качала жалкую тень, двигалась с нею вместе, норовя опрокинуть скрюченного человека наземь.

И он бы упал! Не на терку асфальта, а назад, на тронутую снежком, укрытую бурями листьями землю. Но впереди вспыхнули и все ярче горели мощные фары. Светящийся широколобый монстр — автобус плавно двигался к остановке. Мокрый асфальт золотом блестел перед ним. Двигались тени деревьев. И перед глазами Калашникова расплывалась картинка, мало похожая на реальность. В этом позолоченном преображенном пространстве боль, кажется, утихала. Он потихоньку смог разогнуться, потом, не веря себе, медленно поднялся с железной балки, шагнул к остановке. Войти в автобус, преодолев несколько ступенек, у него тоже получилось. Купил жетон у водителя, прошел в салон. И сел! Откинулся на спинку кресла. «Спасен. Не помру вроде?»

Через двадцать минут Калашников стоял на эскалаторе метрополитена на станции «Черная речка», теплый ветер трепал его шевелюру, а он старался не шевелиться и со страхом прислушивался к себе: «Отпустило? Неужели доеду?»

Доехал... Рухнул на диван, даже не сбросив ботинок. Свет из передней припечатался к линолеуму желтым квадратом, резал глаза, пробираясь сквозь сомкнутые ресницы. Встать и щелкнуть выключателем не было сил. Но даже не это раздражало и мешало заснуть Петру Григорьевичу, а осознание собственного бессилия. Меньше всего ему хотелось сейчас валяться в квартире на пятом этаже шестизэтажного дома по Каменно-Островской. Вдыхать тяжелый запах чужого съемного жилья. Нет! Уйти отсюда, двигаться, ехать, лететь! Куда? В Анапу.

Он никогда не был в этом городе, но подобно знаменитому венецианцу-картографу Фра Муаро, не выходявшему из своей мастерской и создавшему потрясающие атласы и карты мира благодаря снам, Калашников «увидел» узкие улочки в колочих «мехах» итальянских сосен, белую анапскую набережную, солнечных рыбок, пляшущих на волнах, темно-зеленые водоросли в прозрачной теплой воде, морщины песка, намытые легким прибоем. Елена Прекрасная, растрепав косы, бежала по пляжу, удалялась. Калашников лишь смотрел вслед. Останавливать не надо, она давно стремилась к этому ветру, солнцу. А главное, она чужая для него. Сильная, уверенная, успешная. Куда бежит? Где сыновья? Почему не с матерью? Ах да, мальчишки выросли, они теперь взрослые и самостоятельные. Главы семейств...

Проснулся Калашников от зуда мобильника. С трудом соображая, где находится, уперся взглядом в черные окна — ночь глухая. Застонал, возвращаясь в реальность: «Кто посмел? Убью!.. Неужели шефу с перепою не спится?» Нашупал аппарат в кармане пиджака, больше всего хотелось запустить им подальше, медлил, болезненно морщился, разглядывая незнакомый номер. Ткнул пальцем в экран и рубанул грубо, чтоб на том конце все правильно поняли по одной интонации: «Да! Говорите!»

— Па! Папа, это я, Роман! Слышишь меня?

— Ромка? — подпрыгнул на диване, узнав голос старшего, — Роман, что случилось? Где ты?! — в голосе Калашникова звенел страх за сына.

— Все в порядке! Я в Анапе. А ты где?

— В Питере, я ж рассказывал! Работаю здесь, вот первый международный форум организовали. Очень солидно! Ты чего среди ночи звонишь?

— Не поверишь... Короче, мы же с Риткой новоселье справили месяц назад. И я фотку твою на тумбочку поставил. Сегодня сидим на кухне часов в одиннадцать вечера, и вдруг шум из комнаты. Представляешь, портрет твой упал сам! Никого в комнате не было, и не мог он никаким образом сорваться. Полтергейст, слышишь? Упал, но не разбился, даже стекло не лопнуло. А я вот успокоиться не могу. Вдруг случилось что? Пап, я ж телефон поменял, номер этот сохрани! Думаю, вдруг ты дозвониться не смог?

— Я? Да, я не смог... вернее, не звонил, но думал... были проблемы. Как раз в это время, кстати! Спасибо, сынок! Спасибо, что вспомнил меня! Номер поменял давно?

— Давно, все собирался позвонить! Извини, заматался.

— Как вы там?

— Все хорошо! И у Сережки с мамой! Я тебе говорил, что у нее агентство по недвижимости? Крепнет! Вполне! Вы у нас люди успешные! Будем надеяться, что и мы с Сережкой в грязь лицом не ударим! Ладно, пап, извини, что потревожил! Не волнуйся за нас! В гости приезжай! В Питере у тебя кисель, а не погода! Приезжай!

Калашников кивал, улыбался растерянно... Мобильник уже лежал рядом, а Петр Григорьевич продолжал прислушиваться к отзвукам прозвучавшего из трубки. В конце концов зацепился за слова сына про «успешные». Ему льстило и в то же время беспокоило признание Ромки. «Да... успешные. Всегда стремились! Сыны точно не подведут. Но... как же я не сказал ему... не предупредил!»

Перезвонивать Калашников не решился, заснуть не смог. Под утро сочинил фразу и вбил ее в СМС: «Сынок, стремясь к большему, очень прошу — не потеряй главное!»

Читал, перечитывал, добавлял слова, потом стирал их. «Не поймет, — скорбел Калашников. — Я б в его возрасте точно не понял! Хотя...» Короткое СМС улетело в туманный ноябрь. ■